

В.В. Рябев

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье анализируются подходы к понятию «гражданское общество» в отечественной и зарубежной литературе и рассматривается соотношение гражданского общества и демократии. Высказывается точка зрения, что формирование гражданского общества в России невозможно без участия демократического государства. Политическую культуру россиян характеризует государственный патернализм, выраженный в ожидании гражданами опеки от государства, отчужденность людей от власти и общественной жизни, неидеологичность их ценностных систем. Кроме того, высок уровень неудовлетворенности развитием демократии. Автор приходит к выводу, что становление гражданского общества определяется ситуацией социальной дезинтегрированности общества не только по имущественным и социальным признакам, но и по ценностно-смысловым.

Научная мысль XIX и XX вв. не внесла достаточной ясности в статус гражданского общества и его структуру. Под ним понимают или просто человеческое общество, или те формы социальности, которые оказывают влияние на политику, или оппозиционные государству общественные группы. В то же время ставится и получает первые концептуальные решения проблема взаимоотношения между гражданским обществом и государством (Гаджиев 1991а; Гаджиев 1991б; Пул 1991; Замбровский 1991; Витюк 1995; Арато 1995; Перегудов 1995; Становление гражданского общества... 1995; Соловьев 1995; Андреев 1995; Развивается ли... 1996; Крокинская 2000; Гражданское общество... 2000; Seligman 1992; Walzer 1998). Как представляется, основное значение гражданского общества заключается в том, что оно снимает напряжение между государством, локальными социальными группами и индивидами, неизбежно возникающие по мере расширения общественного пространства и углубления социальной дифференциации. Модель, в которой государство и гражданское общество сотрудничают друг с другом, считается наиболее оптимальной, однако условием ее действенности является относительная однородность интересов и ценностных установок индивидов и социальных групп.

Для либерально-демократической традиции в западной политической науке (Дж. Ст. Милль, А. де Токвиль, И. Берлин) характерен акцент на свободе и самостоятельности гражданского общества, которое образует ряд защитных структур между индивидом и государством. Таким образом обеспечивается свобода от вмешательства извне, т. е. свобода не «для чего», а «от чего» (негативно-либеральная концепция) без указания, посредством

каких ресурсов и каким образом она может быть реализована. С точки зрения позитивно-либеральной концепции недостаточно просто гарантировать людям свободу, — необходимо и активное вмешательство государства, которое предоставит необходимые ресурсы для пользования свободой.

Социал-демократическая традиция основана на убеждении в том, что демократизация политической жизни должна начинаться с демократизации гражданского общества. Учитывается то обстоятельство, что некоторые из институтов гражданского общества, в первую очередь рынок, способны проявлять экспансионизм, разрушительный для других его элементов. Государство, согласно этой точке зрения, должно участвовать в обеспечении нормального функционирования гражданских институтов как гарант их демократического управления и пресечения экспансионизма отдельных институтов.

И. Шапиро, ссылаясь на работу М. Уолзера «Сферы справедливости», предлагает центристский подход к анализу гражданского общества. С его точки зрения, государству не следует пытаться формировать цели, которые люди преследуют в различных областях жизни. Гораздо важнее его контролирующая и регулирующая роль в функционировании институтов гражданского общества (Walzer 1998: 26–27).

В современной зарубежной и отечественной научной литературе анализ сущности гражданского общества часто связан с анализом таких понятий, как «политическая демократия», «правовое государство», «открытое общество». Весьма часто мы обнаруживаем синонимичность понятий «политическая демократия» и «гражданское общество». На наш взгляд, понятие «политическая демократия» в большей степени характеризует политический режим, тогда как «гражданское общество» — это социологическое описание особого типа общества и его взаимоотношений с государством.

«Открытое» общество и «гражданское» общество часто рассматривают как соподчиненные понятия. Первое указывает на то обстоятельство, что общество, как и всякая открытая система в природе, обладает средствами самоорганизации и самосовершенствования. В качестве высших ценностей открытое общество признает власть закона, свободу человека, существование без насилия*. Понятие «гражданское общество» подразумевает способ осуществления и взаимосвязи всех видов законосообразной человеческой активности, автономной от власти и являющейся источником общественного развития. Как верно отмечает М.В. Ильин, «попперовская редукция сделала оппозицию открытого/закрытого общества довольно простой и дала возможность разработки на этой основе различных методик вполне технологичного и даже инструментального анализа конкретных политий. Политологи насытили эту оппозицию эмпирически достоверным содержанием. Дело было фактически в том, чтобы выделить один или несколько критериев открытости/закрытости. Например, Сеймур Липсет сделал таким критерием социальную мобильность. Весьма популярны (и банальны) такие критерии, как упорядоченная смена правящих групп, проведение демократических выборов и т. п.» (Ильин 1997: 179).

Отношение между гражданским обществом и государством не отторгает любую форму государственного правления при условии, если она позволяет политически активному населению контролировать государственную власть. Наиболее эффективны в этом смысле республики и парламентские монархии. Структура государственных органов допускает различные варианты, но она должна препятствовать (например, через систему «разделения властей») концентрации и бесконтрольному осуществлению государственной власти, а также включать в себя независимое правосудие.

Гражданское общество допускает любую форму государственного устройства, любой тип местного управления, но с условием, что это не отрицает свободы локальных сообществ

* Идея сформулирована К. Поппером в известном труде «Открытое общество и его враги» (Поппер 1992).

граждан, а вмешательство государства в местные дела ограничено законом. Государственное устройство в условиях гражданского общества обеспечивает территориальное рассредоточение политической власти, ее демонополизацию.

Гражданское общество в силу безграничного плюрализма частных интересов не в состоянии взять на себя властные функции. Однако оно может и должно по сути своей противостоять угрожающим обществу этатистским тенденциям. Гражданское общество, как отмечает Э. Геллнер, представляет собой «совокупность неправительственных институтов, достаточно сильных для того, чтобы быть противовесом государству и, не посягая на его роль гаранта мира и арбитра основных интересов, быть способным не допускать атомизирования им общества и доминирования над ним» (Gellner 1994: 5).

Представляется верной точка зрения, заключающаяся в том, что в политической сфере задача порождения нации принадлежит гражданскому обществу, тогда как задача стабилизации этого процесса — государству. «При этом основной моделью порождения становится процесс организации политических интересов. Уже зачаточные проявления организации интересов в ходе вписывания в тернарную структуру (государство — гражданское общество — конституционность) создают определенную конфигурацию (иерархию) интересов, которая становится и предпосылкой, и матрицей для их организации» (Ильин 1997: 168).

Содержание рассмотренных концепций приводит к необходимости анализа двух проблем:

- функции гражданского общества и государства в их динамическом единстве;
- дифференциации социально-политического пространства между государством и гражданским обществом.

Р.Т. Мухаев, к примеру, в качестве содержания понятия государства выделяет сферу реализации общезначимых интересов социальных групп, классов, этносов; в качестве содержания гражданского общества — сферу реализации повседневных интересов индивидов. В качестве средств реализации государственных целей он выделяет конституцию, власть, принуждение, право; в качестве средств реализации целей гражданского общества — убеждение, правовые и моральные нормы, традиции, обычаи, искусство и др. Основой государства выступают политические институты, органы законодательной, исполнительной и судебной власти, политические лидеры и политическая элита. Основой гражданского общества признается свободный индивид с его неотъемлемыми правами и неполитические организации, с помощью которых он их реализует. Политические же силы: партии, движения, группы давления — рассматриваются в качестве связующего звена между государством и гражданским обществом (Мухаев 1997: 111).

И.Л. Честнов и Ю.Н. Волков (Честнов, Волков 2000) рассматривают два варианта взаимодействия гражданского общества и государства. В первом случае гражданское общество генетически и функционально предшествует правовому государству. Общество, согласно их точке зрения, обусловливает соответствующую политико-правовую форму своей организации. Поэтому государственная власть, являясь объектом воздействия со стороны политически активной общественности, реализует (облекая в форму закона и индивидуально-правовых актов-решений) ее инициативы. Но такая картина — продукт «чистой» теории, пребывающей в сфере идеально-должного. Более реалистичен второй вариант взаимодействия гражданского общества и правового государства. В этом случае правовое государство не «вызревает» из недр гражданского общества, а провозглашается «существующим» (например, путем закрепления в конституции из-за популярности в общественном мнении западной модели общественного развития) и само инициирует оформление гражданского общества. При любом варианте — органическом «вызревании» институтов гражданского общества либо их оформлении «сверху» — очевидна активная роль государства (именуемого, как правило, правовым) в воздействии на общество, в

политическом и законодательном обеспечении реформирования и функционирования общества (именуемого, как правило, гражданским). Превратить общество в действительно гражданское оно не в состоянии, но создать предпосылки для этого (прежде всего с помощью законодательной политики) может. Подобной точки зрения придерживается и О.К. Крокинская, которая считает, что единственное, что государство должно сделать для саморазвития общества — это принять соответствующие законы и обеспечивать их выполнение (Крокинская 2000: 27).

Наконец, рассуждая о гражданском обществе и правовом государстве, необходимо опираться на содержание понятий человека и гражданина, т. е. их прав и свобод как основной детерминанты демократической политической системы общества. Права человека необходимо рассматривать в контексте прав государства, поскольку государство и члены общества неразрывно связаны между собой. Обеспечение прав человека, их реальный характер определяются двумя факторами: наличием гражданского общества и правового государства.

Содержание современных прав человека для всех демократических обществ определяется международными документами — Всеобщей Декларацией прав человека (1948) и Парижской хартией для новой Европы (1990). Основываясь на принципах уважения человека и верховенства законов, они провозглашают право каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, на равную защиту со стороны закона, на владение имуществом, на свободу мирных собраний и ассоциаций, на участие в управлении государством, на социальное обеспечение, на свободу перемещения, на защиту человеческого достоинства, на свободное развитие личности, на свободу выбора работы, справедливые условия труда и защиту от безработицы, на равную оплату за равный труд и т. д. Таким образом, в совокупности названные права охватывают важнейшие условия жизни человека независимо от его социальной и этнической принадлежности. Как верно отмечает К.С. Гаджиев, естественно, что гражданское общество предполагает разграничение между правами человека и правами гражданина. В рассматриваемом контексте гражданское общество обеспечивает права человека, в то время как государство — права гражданина. В обоих случаях речь идет о правах личности, в первом случае — о ее правах как отдельного человеческого существа на жизнь, свободу, стремление к счастью и т. д., во втором случае — о ее политических правах. Если основополагающая доминанта гражданского общества — отдельно взятая личность, то его несущими конструкциями являются все те институты, организации, группы, которые призваны содействовать реализации потенциалов, интересов, целей и устремлений каждого конкретного человека (Гаджиев 1991б: 28).

Вместе с тем необходимо учитывать следующее обстоятельство, на которое правомерно указывает ряд авторов (Панарин 2000; Зобов и др. 1999). Принцип индивидуализма, возникающий в процессе генезиса гражданского общества на Западе, оказывается продуктивным в одной среде (например, в протестантской), однако автоматически переносить его в другую среду бессмысленно и опасно. Необходимо точно знать, в каком режиме функционирования находится общество на тот или иной момент и какое влияние может оказать на этот режим идея индивидуализма, приводящая к нарушению баланса коллективного и личного, веками складывавшегося, например, в российском обществе. Именно такой баланс является одним из необходимых условий нормального функционирования общества. При наличии в обществе изолированных, дезориентированных, не готовых к совмещению своих интересов с интересами других людей индивидов самоорганизационные процессы формирования гражданского общества притормаживаются. Таким индивидам не нужны соответствующие средства совмещения интересов в виде права, морали, культуры, религии. Как отмечал еще Б.А. Кистяковский в своей работе 1909 г. «В защиту права», «нет единых и одних и тех же идей свободы личности, правового строя,

конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен, как нет капитализма или другой хозяйственной или общественной организации, одинаковой во всех странах. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок» (Власть и право... 1990: 176).

Необходимо также учитывать классическое определение свободы, данное одним из основоположников либерализма Ш.Л. Монтескье, который утверждал, что «свобода есть право делать то, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане» (Монтескье 1995: 289).

Однако нельзя не согласиться с точкой зрения Г.П. Артемова, который полагает, что автократия в России играла и определенную положительную роль. «Автократы России выдвигались на руководящие государственные должности из рядов политической элиты на основе личного превосходства, а правили на основе личного примера. Они лучше всех делали сами то, что требовали от других, демонстрируя всему населению страны соответствующий ситуации образец (стандарт) поведения» (Артемов 2000: 90). Вот почему в России отдают дань великому реформатору Петру I, несмотря на все жестокости его правления и осуществленное им полное уничтожение старых демократических институтов. Видимо, этим можно объяснить и существующую до сих пор у определенных групп общества ностальгию по харизматическому лидерству Сталина.

В научной литературе, как правило, выделяют три типа взаимоотношений гражданина и государства.

Первый тип — *патерналистский*, этатистский — долгое время господствовал в России. Он предполагал:

- отождествление общества и государства;
- понимание гражданина как «винтик» сложного государственного механизма;
- отрицание прав и свобод гражданина;
- установление полного государственного контроля за жизнью гражданина;
- определение государством статуса и прав гражданина.

Второй тип — *индивидуалистский*, либеральный — традиционно складывался в Западной Европе, США и ряде других стран. Его общими социально-философскими и политико-социологическими основаниями были взгляды на государство как на субъект утверждения нравственности (Платон, Аристотель, Гегель), достижения общей безопасности (Гоббс), охраны права частной собственности (Локк), достижения общественного блага (Гроций), утверждения общей свободы (Руссо, Лассаль). Для него характерно следующее:

- признание того, что свободный гражданин есть конечный источник всякой государственной власти;
- приоритет индивида по отношению к государству;
- ограничение самостоятельности гражданина объемом его прав и свобод;
- ограничение государства гражданским обществом, минимизация его функций.

В настоящее время складывается третий тип — *партиципаторный*. Его основным положением является идея о главной функции государства, заключающейся в создании в рамках закона разнообразных социальных благ для всех членов общества с учетом возможностей каждого (Ростоу, Хекшнер, Бернс). Он предполагает:

- признание неразрывности и противоречивости взаимоотношений государства и гражданского общества;
- рассмотрение государства в качестве инструмента создания и обеспечения благоприятных условий для свободного существования и развития гражданина;
- соблюдение принципов солидарности и субсидиарности (государство обязано заботиться о благе всех граждан, в том числе обездоленных).

В последние годы определенным влиянием на Западе пользуются философско-политические концепции *коммунитаризма* (А. Макинтайр, М. Уолцер, М. Сандел, Ч. Тейлор и др.), который противопоставляет либерализму и подвергает критике его основополагающие идеи: индивидуалистическое понимание личности, либеральный универсализм, атомистическое представление об обществе, а отсюда — приоритет прав человека над иными ценностями, процедурный характер либеральной демократии, приоритет частной жизни над публичной. С другой стороны, коммунитаризм противопоставляет и коллективизму, который, с этой точки зрения, означает однообразие, конформизм и склонен к репрессии по отношению к индивиду. Таким образом, коммунитаризм базируется на идеях развития индивидуальности, толерантности, плюрализма (см. подробнее: Сморгунев 1998: 22–26).

Каковы же основные тенденции формирования отношений между гражданским обществом и государством в современной России, если принять во внимание тот немаловажный факт, что российское государство — это федеративное государство? * «Жизненно важным для идей федерализма является наличие гражданского общества, — отмечал еще Д.Дж. Элейзер. — Гражданское общество состоит из индивидов и их ассоциаций; федеративное гражданское общество предполагает наличие широкого спектра таких ассоциаций, обслуживающих многообразие полей большей или меньшей протяженности, на которые делится гражданское общество. Наиболее развитые федеративные гражданские общества отвергают идею материализованного государства. Государство рассматривается как наиболее всеохватывающая ассоциация, но не более того» (Элейзер 1995: 111).

В отечественной науке сегодня предлагается несколько иной подход к формированию продуктивной стратегии создания гражданского общества в современной России при непосредственном участии демократического государства. Этот подход базируется на определенной версии **консервативной субсидиарности**. Реализация этого подхода, воспроизводящего отдельные идеологические установки германской христианской демократии, как считают некоторые исследователи (Дисманс 1994: 131; Анискин 2002: 110–111), предполагает необходимость государству брать на себя те функции, которые не в состоянии брать на себя нижестоящие ячейки общества, в том числе и в части модернизации сложившегося облика гражданского общества. Государство консервативной субсидиарности основывается на необходимости содействовать развитию личности на основе самоответственности и стимулировать готовность человека к несению совместной ответственности за всеобщее благо.

С учетом сказанного возникает вопрос: «Существуют ли в современной России политико-культурные предпосылки для формирования гражданского общества?»

С.В. Нестерова в своей работе «Некоторые особенности политической культуры в современной России (психологические аспекты)» (Нестерова 1999) проводит анализ сходств и различий в отношении населения к различным объектам политической системы: государству, власти, политическим лидерам, демократическим процедурам. В условиях формирования новой политической культуры, как отмечает автор, проходит процесс политической ресоциализации россиян — усвоения новых официальных политических ценностей. Автор выделяет государственный патернализм как основную черту российской политической культуры, отличающую ее от политических культур западных стран. Государственный патернализм выражается в отсутствии у людей чувства ответственности за свою страну, правительство, предприятия и в непрекращающемся ожидании от государства опеки, отсутствие которой вызывает недовольство. Большинство людей видят причину своих неудач в несовершенном устройстве общества (Нестерова 1999: 83). Другим доказательством

* Актуальный анализ данной проблемы содержится в статье В.Н. Иванова «Демократизация и федеративные отношения» (Иванов 1999: 3–10).

патернализма является рост спроса на социальные гарантии. Так, по данным опросов Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) в марте 1998 г. 75 % респондентов считали, что их семьям необходима помощь со стороны государства. Патерналистские ожидания проявляются как в политической, так и в экономической сфере. Они выражаются в требовании от власти социальной защищенности, укрепления общественного порядка и законности, борьбы с преступностью и контроля над ценами. При этом экономический патернализм не означает склонности к политической диктатуре.

Выражение приверженности демократии носит специфический характер. Так, согласно данным исследования в 1993–1995 гг. позитивное восприятие демократии выражалось в том, что к демократам причисляли тех политических лидеров, которые нравились и воспринимались как «свои» (Нестерова 1999: 86). Впоследствии политические идентификации респондентов стали более отчетливыми, однако, говоря о приверженности ценностям демократии, большинство россиян затруднялись назвать характеристики этой формы правления. Позитивное отношение к демократии объясняется высокой степенью конформности населения, поддерживающего демократию потому, что демократической провозглашает себя сама власть. При этом, по данным опроса ФОМ в 1993 г., только 22 % респондентов признали установленный режим демократическим (52 % не согласны с данным утверждением). В 1995 г. 73 % респондентов отмечали, что власть имущие компрометируют демократический политический режим.

Как показывают результаты социологических исследований, в российском обществе начинает пользоваться поддержкой идеология «государственного капитализма» как в сфере экономики, так и в военной и политической областях, которые способствуют укреплению государственной мощи. Так, 69,8 % россиян выступали в марте 2000 г. за пересмотр итогов приватизации и восстановление ведущего положения государственного сектора, 72,9 % — за расширение круга регулируемых цен, 70,1 % — за восстановление элементов государственного планирования, 54,3 % — за запрещение свободной купли-продажи земли, 67,1 % — за усиление государственного контроля над предпринимательской деятельностью. Лишь 1,7 % поддерживали сохранение контроля над природными богатствами страны со стороны «олигархов» (Бызов 2001: 11–12).

Известный итальянский журналист Дж. Кьеза, много лет проработавший в России, в своей книге «Прощай, Россия!» отмечает две исторические причины, не позволяющие россиянам освоиться в демократии и научиться жить в гражданском обществе. Первая причина заключается в появлении новой «олигархии», узурпировавшей власть в стране в период президентства Б.Н. Ельцина и безгранично правящей сегодня в условиях апатии и беззащитности народа. Вторая причина, как считает Кьеза, это недостаток исторического времени: «Нужно знать и уметь жить в гражданском обществе, чтобы проявлять нетерпение, которое есть не что иное, как осознание собственных прав. И нужно быть организованными, чтобы нетерпение принесло свои плоды, привело бы к какой-нибудь цели. У россиян всего этого никогда не было, они просто ничего об этом не знают» (Кьеза 1997: 259–260).

Как справедливо отмечает В.Г. Марахов, в отличие от «негосударственной» концепции в России должна быть избрана «государственная» теория построения гражданского общества, включающая следующие стратегии:

— стратегию согласия трех основных субъектов общества (труд, капитал, государство) как альтернативу гражданской войне, которая, по сути, периодически вспыхивает как в различных точках пространства России, так и в СНГ;

— стратегию достижения таких ценностей, как свобода, справедливость, а также безопасность (как личная для граждан, так и экологическая и экономическая для страны);

— структурную стратегию, не исключаящую из системы гражданского общества ни одного субъекта общества (труд, капитал, государство) и не ведущую к нарушению единства общества;

— стратегию предвидения, заключающуюся в разработке научной теории формирования гражданского общества в России;

— стратегию выбора фундаментального направления формирования российского гражданского общества (Марахов 2002: 10–12).

В этой связи представляется целесообразным сформулировать те критерии, без которых гражданское общество вряд ли сможет существовать:

— гражданское общество не существует до государства и вне государства*;

— именно государство, учитывая традиции политической жизни России, должно дать гражданскому обществу защиту в том, что относится к благосостоянию граждан и их целям, если последние не противоречат законам;

— на государство ложится обязанность осуществления социальных программ, направленных на определенное социальное выравнивание, ликвидацию той пропасти, которая образовалась в последние годы в доходах граждан;

— от государства гражданское общество вправе требовать защиты жизни, здоровья, обеспечения безопасности граждан;

— внешней политикой государства и его оборонной мощью может быть обеспечено само существование данного сообщества, его сближение с другими народами.

Представляется важным тот факт, что удельный вес государства в процессах формирования гражданского общества в России будет большим, чем это было в Западной Европе, в связи с особенностями массового политического сознания и традиционного менталитета.

Исследование типов общественно-политического сознания россиян на основе изучения их мировоззренческих ценностей осуществила Н.Е. Тихонова (Тихонова 1996: 15–57). Оно было проведено Российским Независимым Институтом Социальных и Национальных Проблем в 1993–1995 гг. в четыре этапа, за основу для написания статьи были взяты данные последнего опроса**.

В целом исследование показало отчужденность людей от власти и общественной жизни, неидеологичность их ценностных систем — в наибольшей степени в сознании россиян были распространены общечеловеческие ценности, тогда как ценности, связанные с идеологией, — в меньшей степени. Что касается идеологических ценностей, то анализировались такие параметры, как значимость и понимание свободы, готовность к соблюдению законов, отношение к процессам социальной дифференциации.

В сознании россиян наблюдался рост ценности понятия свободы: если в 1993 г. из противопоставления свободы и материального благополучия свободу выбрали 55,7 % опрошенных, в 1994 г. — 58,4 %, то в 1995 г. — 70,6 %. При этом 69,2 % респондентов понимают свободу как «возможность быть самому себе хозяином» (Тихонова 1996: 17). Другая тенденция — свойственный россиянам правовой нигилизм (обусловленный во многом, по мнению автора исследования, правовым нигилизмом власти). Так, 54,1 % опрошенных выразили свое согласие с утверждением, что «не так важно, соответствует что-либо закону или нет, главное, чтобы это было справедливо». Само понятие «справедливость»

* Это обстоятельство подчеркивал еще Гегель. См.: (Гегель 1990: 228).

** Исследования были проведены в декабре 1992, июле 1993, июне 1994 и августе 1995 г. среди населения 10 крупных городов России. Была осуществлена квотная выборка, главным критерием которой явилось равноправное представительство всех российских регионов, размер выборки в каждом случае составил более 1000 человек.

понимается не как уравнительность — большинство респондентов (72,3 %) понимают справедливость как свойство, присущее обществу равных возможностей. В данном исследовании также отмечается склонность россиян к патернализму: так, 42,6 % респондентов при ответе на вопрос: «Как можно преодолеть трудности материального характера?» — указали на необходимость увеличения минимального уровня заработной платы государством.

При этом Н.Е. Тихонова отмечает неоднозначность утверждения о высоком уровне патернализма, поскольку значительная часть респондентов — люди пенсионного возраста, а также люди с ограниченной трудоспособностью, чьи ожидания поддержки от государства вполне оправданы. Она выделяет артикулированные в сознании людей противоречия между исповедуемыми ими ценностями и окружающей действительностью. Так, описываются противоречия между ориентацией на общество равных возможностей и вопиющим неравенством стартовых возможностей, ориентацией на свободный выбор и малой возможностью выбора, ориентацией на создание правового государства и царящим беззаконием.

На основе полученных данных Н.Е. Тихонова выделяет три типа общественного сознания в России:

1. *Патерналистско-эгалитаристский* тип — господствует в сознании приблизительно одной трети россиян. Для носителей этого типа сознания характерны ожидание решения своих проблем за счет определенной политики государства, большая значимость материальных факторов в системе ценностей, декларация необходимости создания общества равных доходов, болезненная реакция на процессы социальной дифференциации, желание видеть «жесткую руку» власти — сильное централизованное правление.

2. *Индивидуалистско-либеральный* тип. Характерные черты данного типа — ориентация на собственные силы, спокойное отношение к социальной дифференциации. Носители этого типа сознания ближе всех к западной ментальности, однако для них характерна внутренняя противоречивость сознания. К данному типу были отнесены приблизительно 20 % опрошенных.

3. Наконец, около 50 % респондентов представляли различные *переходные* типы между двумя крайними типами ментальности. Данная группа не присоединилась ни к одному из описанных выше типов, однако в большинстве своем тяготела к индивидуалистско-либеральному типу сознания.

Впрочем, необходимо учитывать и следующее обстоятельство, которое может объяснить этатистскую направленность массового политического сознания. Дело в том, что сильная ориентация россиян на государство в их исторической памяти связана с «социальной заботой» социалистического государства о «рядовых гражданах». Видимо, это была существенная черта менталитета советского человека. В последние годы в научной и публицистической литературе она неоднократно обсуждалась, но, как представляется, не получила должного объективного анализа. Еще Б. Спиноза в «Этике» отмечал, что нужно не порицать, а изучать: «Большинство тех, которые писали об аффектах и образе жизни людей, говорят как будто не об естественных вещах, следующих общим законам природы, но о вещах, лежащих за пределами природы» (Спиноза 1998: 423).

В последнее время ряд исследователей справедливо отмечают (Тихонова, Шкаратан 2001: 23), что в СССР социальная политика государства понималась как система организационных мер, направленных на конкретные преобразования в социальной сфере (рост масштабов жилищного строительства, увеличение численности врачей и учителей и т. п.). При этом система социальной защиты как важнейшая часть социальной политики государства включала в себя право на труд, право на гарантированное государством пенсионное обеспечение, административно регулируемые потребительские цены, бесплатное

образование, здравоохранение, занятия физкультурой, а также бесплатное предоставление жилья. Все это позволяло считать социальную политику в СССР своеобразным вариантом политики государства всеобщего благосостояния на Западе. Более того, хотелось бы добавить, что в тех условиях отсутствие гражданского общества как сферы частных интересов не вызывало у населения тревоги и озабоченности.

На Западе гражданин мог добиваться положенных ему по закону благ через институты гражданского общества. В СССР из-за отсутствия гражданского общества он был лишен такой возможности и выступал как «государственно-зависимый работник», воспринимающий, тем не менее, любые социальные блага как смысл деятельности государства, его обязательную функцию, которая реализуется независимо от наличия экономических возможностей. В качестве основного закона развития советского общества декларировался закон постоянного роста материального благосостояния советских граждан.

В 90-е гг. XX в. многое из того, что обеспечивала социальная политика СССР, было утрачено. Интересный и глубокий анализ потерь и приобретений провели, например, Л. Гордон и Э. Клопов (Гордон, Клопов 2001: 480). Они отметили следующие критерии прогресса российского общества за период его реформирования в последнем десятилетии XX в.:

- создание подлинных профсоюзов, право на забастовки, начало демократизации трудовых отношений;
- преодоление дефицита промышленных и потребительских товаров;
- обновление ассортимента и рост производства бытовой техники;
- прогресс в автомобилизации и телефонизации;
- свобода выбора форм досуга и форм получения информации;
- свобода выезда за границу.

Однако потерь, и весьма существенных, авторы справедливо называют значительно больше. Эти потери связаны прежде всего с социальной заботой советского государства о рядовых гражданах:

- сокращение доходов и покупательной способности большинства населения, низкий уровень пенсионного обеспечения и потеря прежних сбережений;
- задержки выплаты зарплаты, пенсий, пособий;
- появление безработицы;
- ухудшение питания;
- потери в досуге и отдыхе во время отпуска;
- деградация воспитания и отдыха детей;
- кризис образования и появление детской беспризорности;
- деградация жилищного и коммунального обслуживания.

Хотелось бы добавить к этому списку, прежде всего, культ насилия и жестокости, укоренившийся в российском обществе не без активного участия СМИ, в частности и в первую очередь, телевидения.

Неудивительно в этой связи, что удовлетворенность развитием демократии в России заметно ниже, чем в странах Запада (там этот показатель в среднем составляет около 50 %), и проявляет тенденцию к дальнейшему сокращению (с 15 % в ноябре 1991 г. до 8 % в ноябре 1996 г.), а неудовлетворенность — намного выше (ее обычно выражают более 4/5 опрошенных). Почти 60 % россиян полагают, что демократия в России терпит поражение.

Вместе с тем неудовлетворенность реальными результатами демократических преобразований отнюдь не тождественна разочарованию в демократическом идеале как таковом. По данным опросов свыше половины россиян согласны с тем, что стране необходима демократия (возражают против этого лишь менее четверти респондентов) (Лапкин, Пантин 1999: 74).

Как видим, свойственный России этатизм, по крайней мере, в XX в., имел вполне определенный социально-материальный субстрат. Как представляется, в этих условиях традиция этатистского понимания роли государства приводит к тому, что определяющим фактором развития гражданского общества становится социальная ответственность. Сама ответственность при этом, понимаемая как деятельное отношение, представляет собой конкретно-исторический тип взаимодействия между личностью и обществом.

Социальная ответственность личности, субъекта есть полифункциональное явление, в котором сливаются политические, правовые, нравственные и эстетические ценности.

Социальные перемены, происходящие в современной России, предъявляют новые требования к личности, изменяют социальную среду и формируют новую мифологию жизни. Как справедливо отмечает А.О. Бороноев, «мы идем к индивидуальному началу жизни, уходя от коллективистского, что не воспринимается однозначно. На то есть причины: исторические традиции общественной организации жизнедеятельности народа; резкая ломка устоявшихся за последние десятилетия ценностей, среди которых центральной был коллективизм; отсутствие опыта жизни, где возможна социальная активность. Изменяются ценности общества и ценности человека. Сегодня ценят не идейную убежденность, а активность, самостоятельность, развитость и профессионализм. Идеология свободы... приобретает основополагающее значение» (Бороноев 2000: 126).

Необходимо также иметь в виду, что широко распространенное мнение о тождественности демократии и гражданского общества крайне сужает проблему. Демократия не гарантирует свободы, она складывается на основе гражданского общества. Надеяться на становление гражданского общества только в связи с развитием демократии, как представляется, утопично. Еще А. де Токвиль отмечал, что демократизация, не подкрепленная устойчивыми демократическими традициями и культурой, основанной на уважении прав меньшинства и отдельной личности, может привести к охлократии. Возникновение феномена тоталитаризма в XX в. (особенно показателен феномен национал-социализма в Германии) в определенной степени было связано с этим фактом. Поэтому нельзя связывать становление гражданского общества исключительно с утверждением частной собственности, политического плюрализма и правового государства.

Идея правового государства пришла из немецкой политической и правовой мысли и вначале означала ограничение государственной администрации правом, законом. Как отмечает З.Т. Голенкова (Голенкова 1997: 33), само государство при этом могло быть и авторитарным, т. к. концепция правового государства не ограничивает того, кто и какие законы принимает и до каких границ по отношению к правам человека эти законы могут распространяться. Поэтому правовое государство могло быть не только авторитарным (если законодательный орган не избран демократически), но и тоталитарным (когда законы распространяются на все стороны общественной и частной жизни). При этом возможна так называемая тоталитарная демократия, о которой писал еще Ж.-Ж. Руссо, или тирания большинства с помощью закона. Следовательно, существенным элементом гражданского общества является верховенство права, которое шире, чем идея правового государства.

В этом отношении через «призму» права еще на рубеже XIX–XX вв. русские юристы рассматривали понятие гражданского общества. Юриспруденция того времени была представлена двумя школами: так называемой старой школой естественного права и новой, или «возрожденной» школой естественного права.

Представители дореволюционной школы естественного права (Б. Чичерин, С. Муромцев, А. Куницын и др.) определяли гражданское общество как совокупность всех частных отношений между людьми. Как форма человеческого общежития оно имеет своим основанием индивидуальную свободу, или индивидуализм. Второе основное условие — это

существование института частной собственности. Свободная собственность, основанная на свободном труде — таким они видели идеал гражданского общества.

Для представителей «возрожденной» школы естественного права (В. Нечаев, П. Новгородцев) гражданское общество — это непрерывно изменяющийся общественный союз. Этот союз, в основе которого лежит сотрудничество людей, не организовывается «сверху», а является результатом энергичных действий и предприимчивости осознавших общие интересы отдельных личностей. Он исключает возможность порабощения одних людей другими, устанавливая с этой целью гражданско-правовой порядок. Необходимость частной собственности как института гражданского общества обуславливает и характер его взаимоотношений с государством. Большинство представителей русской школы естественного права были сторонниками концепции равновесия в отношениях между собственностью и государством.

Общество как единое целое реализует себя в деятельности различных общественных союзов. Государству же принадлежит верховная власть в обществе. Государство как обладающий законодательной властью субъект не должно злоупотреблять своей властью. Его основная функция — охранительная, оно должно заниматься укреплением и защитой основных гражданско-правовых институтов. Свобода является необходимым условием сосуществования гражданского общества и государства; она предполагает их одновременное развитие в принадлежащих им сферах деятельности.

П.И. Новгородцев, например, размышлял следующим образом: «По существу своему... демократия есть самоуправление народа; но для того чтобы это самоуправление не было пустой фикцией, надо, чтобы народ выработал свои формы организации. Это должен быть народ, созревший для управления самим собою, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению... И чем сложнее и выше задачи, которые ставятся перед государством, тем более требуется для этого политическая зрелость народа, содействие лучших сторон человеческой природы и напряжения всех нравственных сил» (Новгородцев 1991: 548).

Подводя краткий итог, можно утверждать, что опыт современного реформирования России показал, что ее традиционно-восточная архитектура, базирующаяся на признании государства в качестве главного социального субъекта, остается краеугольным камнем всего российского социума и пока не допускает перехода на иные организационные принципы, кроме как ценой уничтожения всей социальной системы*.

В этой связи на Гражданском форуме в Москве в ноябре 2001 г. была сформулирована одна из задач формирования гражданского общества — в сотрудничестве с государством. Оргкомитет по подготовке Гражданского форума выступил с заявлением «О целях и задачах Гражданского форума», в самом начале которого констатировалось: «Гражданское общество в России существует и развивается» (О целях и задачах... 2001). На современном этапе необходима разработка механизмов диалога и равноправного партнерства между обществом и властью на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, включая участие гражданских объединений в выработке решений, гражданский контроль над текущей деятельностью властных структур и гражданскую экспертизу законодательных и административных актов. Эти механизмы должны быть предельно просты, открыты и предельно ориентированны: каждый из них будет обеспечивать взаимодействие между группами НПО, заинтересованными в определенной проблеме, и соответствующими структурами исполнительной, законодательной и судебной власти.

Итак, гражданское общество является сферой, которая в максимальной степени способствует самодеятельной активности граждан и свободному развитию личности, что

* Более подробный анализ данной проблемы приведен в статье: (Рябев 2002: 148–158).

ведет к приоритету интересов личности и общества в целом в их отношениях с государством. Правовое государство, обеспечивающее верховенство законов и гарантирующее обеспечение прав и свобод человека и гражданина, выступает неперенным условием существования гражданского общества. Последнее может существовать только в демократической политической системе, т. к. она является механизмом реализации важнейших прав и свобод человека и гражданина. Демократическая политическая система характеризуется разветвленной внутренней структурой общественных организаций, органов местного самоуправления и управленческих государственных органов, гарантирующих соблюдение этих прав и свобод.

Формирование гражданского общества в современной России является закономерным продолжением мировой тенденции. Вместе с тем геостратегические, географические, экономические, исторические и социокультурные особенности России придают этому процессу специфику.

Реформирование общества «сверху», начавшееся в конце 80-х гг. XX в., приводит к необходимости создания гражданского общества соответственно «сверху» при активной поддержке государства. Однако становление гражданского общества происходит в России в условиях острого дефицита доверия как к институтам самого государства, так и к формирующимся институтам гражданского общества. Специфика становления институтов российского гражданского общества определяется ситуацией социальной дезинтегрированности общества не только по имущественным и социальным признакам, но и по ценностно-смысловым.

Литература

Андреев А.Л. Становление гражданского общества: российский вариант // Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт: Материалы международного симпозиума. М.: РНИСиНП, Фонд Фридриха Эберта, 1995.

Анискин А.А. Стратегия формирования гражданского общества в России: от либеральной утопии к цивилизованной государственности // Стратегии формирования гражданского общества в России: Материалы Второго российского научно-общественного форума. СПб.: Изд-во НИИХ СПбГУ, 2002.

Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание // Полис. 1995. № 3.

Артемов Г.П. Политическая социология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

Бороноев А.О. Проблема личности: поиск социологического образа // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

Бызов Л.Г. Первые контуры «постпереходной эпохи» // Социологические исследования. 2001. № 4.

Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М.: Институт социологии, 1995.

Власть и право: Из истории русской правовой мысли / Сост. А.В. Поляков, И.Ю. Козлихин. Л.: Лениздат, 1990.

Гаджиев К.С. Гражданское общество и правовое государство // Мировая экономика и международные отношения. 1991а. № 9.

Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991б. № 7.

Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.

Голенкова З.Т., Витюк В. В., Гридчин Ю. В. и др. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. 1995. № 6.

Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3.

Гордон Л., Клопов Э. Потери и приобретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. II. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. проф. И.И. Кальной. СПб.: Юрид. Центр, 2000.

Дисманс Е.Д. ХДС и СДПГ: два концептуальных подхода к государству // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 7.

Замбровский Б.Я. К вопросам о формировании гражданского общества и правового государства // Социально-политические науки. 1991. № 6.

Зобов Р.А., Келасьев В.Н., Шаров А. Н. Человек и реформа: Драма взаимодействия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.

Иванов В.Н. Демократизация и федеративные отношения // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 5. С. 3–10.

Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Рос. полит. Энциклопедия, 1997.

Крокинская О.К. Гражданское общество и массовое сознание: Несколько социологических фактов. СПб., 2000.

Кьеца Дж. Прощай, Россия! М.: ТОО «Гея», 1997.

Лапкин В.В., Пантин В. И. Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции // Полис. 1999. № 6.

Марахов В.Г. Гражданское общество в России: теория и стратегия формирования // Стратегии формирования гражданского общества в России: Материалы второго российского научно-общественного форума. СПб.: Изд-во НИИХ СПбГУ, 2002.

Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1995.

Мухаев Р.Т. Политология. М.: ПРИОР, 1997.

Нестерова С.В. Некоторые особенности политической культуры в современной России (психологические аспекты) // Гражданская культура в современной России (сборник научных работ грантополучателей МОНФ) / Отв. ред. Е.Б. Шестопал. М.: МОНФ, 1999.

Новгородцев П.И. Демократия на распутье // Об общественном идеале. М.: Наука, 1991.

О целях и задачах Гражданского форума // Известия. 2001. 26 октября.

Панарин А.С. Политология. М.: Проспект, 2000.

Перегудов С.П. Гражданское общество: «трехчленная» или «одночленная» модель? // Полис. 1995. № 3.

Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992.

Пул Р.А. Человек и гражданское общество в истории социальной мысли // Социологические исследования. 1991. № 9.

Развивается ли гражданское общество в России?: Материалы научной конференции // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 4.

Рябев В.В. Идея гражданского общества для России и возможность ее реализации // Поиск: Философские и социально-экономические исследования. Вып. IV: Межвуз. сб. ст. Мурманск: МГТУ, 2002.

Сморгунов Л.В. Основные направления современной политической философии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.

Соловьев А.И. Три облика государства — три стратегии гражданского общества // Полис. 1995. № 6.

Спиноза Б. Избранные произведения. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.

Тихонова Н.Е. Мировоззренческие ценности и политический процесс в России // Общественные науки и современность. 1996. № 4.

Тихонова Н.Е., Шкаратан О. И. Российская социальная политика: выбор без альтернативы? // Социологические исследования. № 3. 2001.

Честнов И.Л., Волков Ю. Н. Правовые основы взаимосвязи гражданского общества и государства // Гражданское общество: истоки и современность. СПб.: Юр. центр Пресс, 2000.

Элейзер Д Дж. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5.

Gellner E. Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals. L.: Hamish Hamilton, 1994.

Seligman A. B. The Idea of Civil Society. N.Y.: Free Press, 1992.

Walzer M. The Concept of Civil Society // Toward a Global Civil Society. Providence / Ed. by M. Walzer. Oxford: Berghahn Books, 1998.